

ЗУБ ДАЮ

Анка Б. Троицкая

16+

Анка Б Троицкая

Зуб даю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67812080

SelfPub; 2023

Аннотация

У российского олигарха в графстве Хартфордшир похищена красавица жена, и он готов заплатить любые деньги, что бы вернуть ее. Особенно настырный криминалист Ронни Лиам Янг подбирает в ванной супругов улику, а когда в сгоревшей машине находят обугленный труп женщины, то следователи успокаивают обезумевшего мужа: «Это не она». В этой короткой истории сталкиваются две силы, которые вращают целый мир.

Анка Троицкая

Зуб даю

«Money, money, money

Always sunny

In the rich man's world

Aha-a-a....»

Песня наполнила собой автомобиль – она в очередной раз стала модной. Молодая женщина на пассажирском сидении убрала помаду в сумочку и осторожно провела языком по передним зубам.

– Жалость какая... – только начала она, обращаясь к человеку за рулём, как машина вдруг дернулась и резко свернула с дороги в цветущее рапсовое поле.

Водитель громко выругался, женщина взвизгнула, когда их подбросил небольшой земляной вал, но тут же захохотала. Было ясно, что им ничего не грозит. Они не врежутся в скалу и не упадут в пропасть. Проехав пару сотен ярдов машина остановилась среди массы мелких цветов.

– С управлением не справился? – почти в истерике продолжала смеяться женщина.

– Это старьё никуда не годится. Что-то с рулём не так... Твою мать! – проворчал мужчина.

– Ну и нафиг мы на ней поехали? Что теперь делать?

– Телефон свой давай, мой разрядился. Позвоню в АА,

нас на что-нибудь пересадят. Этой рухляди, скорее всего, уже конец. Хорошо, что мы на шоссе не остались... Лучше в поле, чем под грузовик.

Через пару минут человек опять принялся чертыхаться. У него появились проблемы со связью. Он вышел из машины, обошел вокруг неё, подняв руку с телефоном над головой. Жёлтые соцветья доходили ему до пояса. Он крикнул женщине:

– А ты не сиди без дела. Заведи мотор, а то простудишься. Неизвестно, сколько ждать придется. Скоро вечер.

Женщина послушно перебралась на водительское сиденье и повернула ключ. А мужчина с телефоном над головой стал подниматься на возвышенность, которая скрывала узкую загородную дорогу.

Как только он исчез из виду, женщина откинулась на сиденье, закрыла глаза и вздохнула. Аромат цветов был сладким. Со стороны дороги доносилось щёлканье скворца с высоких проводов. Скоро женщина снова услышала шелест стеблей и улыбнулась, не открывая глаз.

– Дозвонился? – спросила она, а подошедший распахнул дверцу и ударил по красивому лицу молотком.

Первый удар пришёлся по тому месту между нарисованными бровями, где недавно появилась морщинка. А молоток бил по лицу снова и снова, даже когда женщина была уже мертва, так и не успев закричать.

Через пять минут мужчина уже шёл вдоль дороги, в сторо-

ну белого щита с названием фермы. Он держал в руке телефон, но никуда не звонил. Возле щита, он выволок из кустов велосипед, оседлал его, швырнул молоток в заросли ежевики и покатил в сторону железной дороги. У него за спиной раздался мощный взрыв. Мужчина не оглянулся. Он знал, что в машине достаточно топлива, чтобы она горела долго и жарко.

* * *

Апрель – время бурного цветения. У меня на пыльцу аллергия, и еще предстоят адские мучения, хотя ехать домой по просторам Хартфордшира приятно. Важно не поддаваться соблазну и не открыть окно в машине.

Сегодня свободный вечер, так как с завтрашнего дня мы беремся за новое дело. Я так надеялся, что это просто озорные подростки подожгли угнанную машину, но труп меняет все...

А это что тут у нас?

Я притормаживаю, не доезжая до дома. Там у крыльца моя дочь висит на каком-то чучеле в чёрной куртке. Неужели это с ним она собирается знакомить нас в субботу? Мать его выгонит к чертям... Они, наконец, отлипают друг от друга, и он уходит по дороге в мою сторону. Я не двигаюсь, рассматривая его. Руки в карманах, походка пружинистая. Он смотрит под ноги, но, проходя мимо машины, слегка втягивает голо-

ву в плечи. Худощав, черные космы торчат во все стороны. На куртке какие-то железяки и цепи, но хоть нет этих жутких колец в ноздрях. Зато покрашен, и побелен, как на Хэллоуин. Брови чёрные, круги вокруг глаз, линзы фиолетовые. Тыфу... Ну, что это за мужик? А Кейли тоже хороша... Не парочка, а группа *Kiss*.

Я оставляю машину в гараже и захожу в дом. Сверху дочь уже гремит любимой музыкой «Sonata Arctica». Поднимаюсь к ней и стучу в дверь. Она открывает и несколько раз подпрыгивает на месте. В руке у нее мобильный телефон.

– Папа... Папа... Папунь... Мне мой сладкий предложение сделал! Вот, смотри!

Она поднимает руку в чёрной сетчатой перчатке с растопыренными пальцами, на которой что-то блестит. Но прежде чем я успеваю разглядеть кольцо, она бросается мне на шею.

– Кейли... Да, подожди ты. Взрослая тётка, а ведёшь себя как подросток!

– Мне надоедает весь день в строгом костюме клиентам улыбаться. И потом... Раз в неделю не повредит.

Нам приходится кричать до тех пор, пока она не выключает музыку. При близком рассмотрении кольцо выглядит настоящим и... довольно дорогим.

– Это он был только что у дверей? И где он работает? – спрашиваю я.

– В субботу всё узнаете. Мама в конце недели придет, и тогда...

– Да... мама. А он может хоть грим смыть, прежде чем предстать перед ней?

– Обещаю, что уговорю.

Она скачет и кружится по комнате уже без музыки, повизгивая от счастья. Черные волосы захлестывают лицо. Я поздравляю её и ухожу заказывать нам пиццу. Когда Лора в командировке, мы питаемся чем попало.

* * *

Как потушить горящую машину быстро, чтобы улики не успели полностью сгореть, но при этом не смешать их с тем, что при тушении используется? Никогда об этом не думал, но я не завидую моему криминалисту Ронни Лиаму Янгу. Он мне уже сутки в каждом сообщении ноет о том, как ему трудно. Той ночью старенький «Ниссан» тушили даже не пожарные, а сами фермеры, которым принадлежат поля. Позвонили в полицию только когда почуяли запах жареной плоти. Но место преступления уже было изгажено пеной огнетушителей, залито водой из поливалки, затоптано резиновыми навозными сапогами. Я представляю себе, как Ронни Янг приехал туда и начал орать и бегать вокруг, отгоняя сельских зевак и ругая офицеров, которые недостаточно быстро натягивают ленточки. Он с двумя лаборантами провел там весь день и, похоже, всю ночь. Ронни у нас недавно работает, но все говорят, что парень смышлёный, хоть и вредный.

Сегодня я собираю группу на брифинг, но наш криминалист опаздывает на полтора часа. Он даже не переоделся. Прямо в защитном костюме он вваливается в комнату, оставляя на полу комья глины. Роба красная, мешки под близорукими кроличьими глазами от недосыпа. Давно не стриженные волосы, белые, почти как его спец-комбинезон, прилипли ко лбу. Он не седой. Он альбинос. Тридцати ещё нет, но сейчас от усталости он двигается по-стариковски. Я разрешаю ему отчитываться сидя и с чашкой кофе в грязных руках. Его рассказ краток, насколько это возможно. В нём нет ничего лишнего, и вопросов почти не возникает.

Заканчивает Ронни так:

– Тело я забрал, а в машине нам уже ничто не поможет. Привёз несколько проб, коврики и остатки номерных знаков.

– Так, ты думаешь, это баба? Личность установить возможно? – спрашиваю я, просто чтобы что-то сказать. Я знаю ответ.

– Что смогу – сделаю.

Он снимает круглые очки и трёт переносицу. Следователь Дэвид Берч выпрямляется на стуле:

– А мобильного точно нет? Рон, ты вокруг хорошо искал?

– Мы всё поле не прочёсывали... Фермеры клянутся, что не находили.

– А другие личные вещи? Они были только в машине?

– Были. Одежда, обувь... А толку-то? На теле я ещё найду её ДНК, но любые другие... отпечатки и прочие следы

уничтожены. Эти идиоты пытались на горящий металл воду лить! Хорошо, что одними ожогами отделались. Водород же от такого жара выделяется! Представляете реакцию? Всё разнесло!

Никто не представляет, но услышать от Ронни столь страстную речь – редкость. Мои ребята с усмешкой переглядываются.

– Ну, ладно... – вздыхаю я, – Откуда, говоришь, она приехала?

– Машина свернула в поле на скорости от сорока пяти до пятидесяти миль в час, двигаясь на север по Уолкерн, в одной целой двух десятых мили от фермы Блу Хилл.

– Спасибо. Ну, ребята, давайте работать. Нужно не только у фермеров показания взять, но и в ближайших населённых пунктах поспрашивать. Работаем на опознание. Особое внимание к возможным заявлениям о пропавших. Офицер Янг, отправляйся домой и выпишись как следует. Это приказ. У нас есть пока чем заняться без тебя.

– Но...

– Никаких «но». Линда, отвези его, пожалуйста.

* * *

Мне следовало знать. Когда мы с Берчем вернулись в Уатфорд с места происшествия и вошли в центральное здание полиции, нас встретила офицер Линда Лейк и повела в

«склеп», как мы прозвали патологоанатомическую лабораторию.

– Он буквально через пару часов опять прискакал. Говорит, что слишком много непонятностей, – оправдывается Линда на ходу.

– Например?

– Лаборанты составили ему список мусора на коврике «Ниссана». Помимо следов потерпевшей там было всё, что обычно можно найти под ногами водителя, кроме одного... Там была почерневшая от копоти фарфоровая крошка.

– И как Янг это объяснил? – спрашивает Берч.

– Сейчас сами увидите.

Мы входим в комнату с кафельными стенами и плиточным полом. Я и так собирался взглянуть на тело, но и Ронни уже горбится над чёрной фигурой на освещенном столе, пристально вглядываясь ей в лицо. При моем появлении он не прерывает этого «приятного» занятия. Я строго говорю ему:

– Янг, я тебе отдыхать велел.

– Я отдохнул, – отвечает он и нехотя отрывается от работы.

Я вижу, что он принял душ и стал похож на белого ягненка, но за очками уже не видно сумасшедшего кофеинового блеска.

– Ну и что ты нашёл в её лице?

– А его нет.

– Чего?

– Лица, – Ронни указывает на труп, – оно разбито, но не при аварии. По машине точного заключения нет, но вы видели то место. Разбиться там не обо что.

– Но это явный несчастный случай. Ты сам сначала говорил, что она была за рулём, потеряла контроль и...

– Я больше так не считаю. Дорога была сухая, и, хотя следы там здорово попорчены, я не нашёл осколков от разбитых фар и прочих следов аварии.

Я хмурюсь. Не нравится мне это. А Берч у дверей пожимает плечами.

– Дорога там узкая, быстро не погоняешь. Столкновение могло быть слабым, а она могла быть пьяной, ехала не пристегнувшись или с неисправной подушкой безопасности. Ударилась об руль и укатилась в поле, забыв про тормоза. А водитель другой машины сбежал с места аварии.

Ронни шагает к Берчу, берёт его за рукав и волочёт к столу. Берч бледнеет.

– Дэйв, ты когда-нибудь видел, чтобы об руль так разворотило *Ос Зигоматикум* и *Максиллу*? Угадай, от чего машина загорелась?

– От сигареты? – Берч зажимает себе нос двумя пальцами, а Ронни хватает со стола прозрачный пакетик с какими-то черными бесформенными штучками.

– Исключено. Я уверен, что это остатки взрывного устройства. И потом, только с полным баком мог быть такой пожар.

Дэвид Берч вырывается и быстро выходит их комнаты. Я вмешиваюсь.

– А причем тут фарфор?

– А ни при чём. Зубы выбиты при атаке, но на полу их ничтожно мало. Фарфоровые протезы, скорее всего.

Я задумываюсь на минуту.

– С полным баком, говоришь?

– Я попросил Линду проверить статистику. Из десяти последних похожих случаев ни один труп не подгорел так сильно. У этого же внутренности испеклись. Я с трудом собрал ДНК в области тазобедренного сустава и отправил на анализ. Больше у нас ничего нет, даже отпечатков пальцев. Дантистам показать нечего. А я, несмотря на новую цифровую 3D-программу, не смогу реконструировать черты лица.

Он брюзжит, как капризная старуха. Я оглядываюсь на Линду Лейк, и она кивает, поджав губы.

– Ну, хорошо. Получается, её убили до взрыва. А где орудие убийства? – спрашиваю я.

– На месте не было ничего, что бы мне захотелось забрать. Даже камня. Их с поля убирают, чтобы технику не портили. Я пока лишь могу с уверенностью сказать, что это был тупой металлический предмет. В машине особо не замахнешься, поэтому искать надо мужчину или сильную женщину. Ещё я уверен, что взрыв был устроен, чтобы сжечь следы, а...

– А орудие убийства преступник унес с собой, – заканчиваю я его мысль.

Подумав, я снова обращаюсь к офицеру Лейк.

– Линда, найди Берча и поезжайте назад. Проверьте камеры на ближайших бензоколонках. Чем чёрт не шутит...

– А что мы должны там искать? – спрашивает она, – Рон, ты же сказал, что даже за цвет машины не ручаешься.

А Ронни хмурит снежные брови и бурчит:

– «Ниссан Премьера», модель не позже девяносто шестого года. Тогда уже входил в моду серебристый цвет, но это не важно. Передний номерной знак сгорел, а на заднем остались первые «М» с двойкой. А у неё, – и он тыкает пальцем в сторону трупа, – в желудке не успел перевариться клубничный йогурт. Съела минут за десять до смерти, и я очень надеюсь, что она купила его в киоске на заправке. Проверьте внутренние камеры, если машину найдёте.

* * *

– Босс, он не уходит.

– Кто?

– Ну тот русский, который во всех новостях с утра...

Офицер Майкл Хабиб пробует произнести сложное имя и закатывает глаза.

– Я понял. А что ему тут надо? Его дело в Скотланд-Ярде.

– Он кричит, что мы нашли его жену.

– Вот как? Ну проводи его в комнату для заседаний. Я сейчас подойду.

Перед тем как выйти из кабинета, я сажусь перед компьютером и проглядываю сайты двух или трёх лондонских выпусков. Тексты примерно одинаковые, скупые на подробности, но достаточно отредактированные, чтобы вызвать интерес, сочувствие и злорадство одновременно:

«Сегодня известный российский инвестор господин Игорь Синегаров обратился за помощью в полицию Великобритании. Он сообщил, что ему не удалось установить местонахождение супруги, когда он вернулся из короткой поездки в Москву. Он уверяет, что её похитили ради выкупа, так как получил анонимное требование приготовить определённую сумму...»

Дальше идут осторожные предположения следователей и публичное обращение обеспокоенного мужа с мольбой, не вредить здоровью жены.

Я увеличиваю фотографию на одном из сайтов. Ого! На снимке, рядом с лощёным мужчиной в *таксидо* стоит такая же высокая блондинка с внешностью кинозвезды. Бесподобная улыбка. Она мне чем-то напоминает... Ну, конечно! Мое поколение восхищалась красоткой Джулией Робертс. Она и сейчас хороша. Только кроме улыбки у этой красавицы всё прочее не отличается от любой другой модели. Моя дочь, Кейли говорит, что в наше время можно слепить... Она так и сказала «слепить»... любое лицо. Даже Джулию Робертс, если денег куры не клюют. А у этого парня явно нет проблем с деньгами.

Я направляюсь в комнату, где наш гость изо всех сил отказывается от казённого кофе. Я могу его понять, и посылаю Хабиба за бутылкой минеральной воды. Сидящий передо мной человек сильно отличается от красавца на фотографии, но это он. На нём дорогой спортивный костюм. Он уже пару дней не брился, не спал, и даже не ел. Но пил. Это я по запаху чую. Он уверяет меня, что как только узнал о погибшей в нашем графстве женщине, как решил сам приехать. Он беспокоится, что это может быть его жена, и тогда... жизнь для него кончена. На вопрос, откуда он узнал (ведь эта новость ещё не выходила за пределы местных газет и их сайтов)? Он отмахивается, мол кто-то из знакомых прислал ссылку. А почему он так рвётся доказать, что найденная нами женщина – его супруга? Он отвечает:

– Сэр, меньше всего на свете я бы хотел, чтобы моя Светочка погибла такой ужасной смертью. Но если это не она, я буду продолжать надеяться... А если её больше нет, то пройдёт и неопределенность. Вместе с беспомощностью, она просто убивает меня.

От самодовольной улыбки на фотографии не осталось и следа. Передо мной ссутулился на стуле мужчина чуть моложе меня. Он глубоко несчастен, сильно волнуется и с трудом сдерживается. Если бы с моей Лорой что-то случилось, я бы тоже не особо заботился о внешности.

– Мистер Синегаров, у вашей жены была своя машина?

– У нас их четыре, все так и стоят в гараже, кроме той, на

которой я приехал из аэропорта.

– И ни у неё, ни у её знакомых не было «Ниссана Премьеры»?

– Ну, что вы... В такое старье она бы не села. Да и наши знакомые – тоже.

– Я действительно расследую смерть, но именно в такой машине погибла наша неизвестная – *«Джейн Доу»*.

– Это могла быть машина похитителя.

– Могла... – начинаю я, но тут открывается дверь, и входит Ронни с бутылкой воды в руках.

– Босс, Хабиб сказал, что вы здесь. Вот... просил захватить.

Он без выражения смотрит на посетителя, а я рад, что Ронни пришёл так вовремя.

– Знакомьтесь. Это глава моей экспертной группы – Ронни Янг. Он лучше меня вам ответит, может ли наша потерпевшая быть вашей супругой. А это Игорь Синегаров. Ты наверняка слышал это имя.

– Здравствуйте, – Ронни ставит перед ним воду.

– Ронни? Роналд, стало быть?

– Нет. Мирон.

Наш гость делает глоток, разглядывая альбиноса, и вдруг обращается к нему на иностранном языке – на русском, скорее всего. Без того румяный парень еще больше краснеет, и отвечает по-английски. Он, оказывается, лучше воспитан.

– Да, из Сибири. Мне было четырнадцать лет.

Снова вопрос по-русски. А Рон, не моргнув, отвечает:

– Я, конечно, могу попробовать, но мне нужны её личные вещи и разрешение начальства.

Синегаров, наконец, вспоминает обо мне:

– Простите, мы оказались земляками. Полиция уже была у нас дома, но я очень прошу вас, помогите мне.

Я решаю воспользоваться таким случаем и вызываю Хабиба, чтобы тот проводил посетителя к выходу. Ронни стоит с кислой физиономией.

– Олигарх... – произносит он с презрением, когда мы остаемся одни.

– Что поделаешь? А ты зачем меня искал?

– Берч принес мне видеозапись. Они нашли старый «Ниссан» M204IWR на заправке всего в нескольких милях от места убийства. Водителя не разглядеть, он остался сидеть в машине. Жертва сама залила бак и расплатилась. Там же и прикупила снесь. Мне отправить туда кого-нибудь отпечатков пальцев собрать, или не надо? Работы много, а толку может быть ноль. Сравнить-то не с чем.

– Конечно, отправь. Тем более, что теперь будет с чем сравнить. А она как выглядела?

– Ничего примечательного. Высокая, стройная, волосы под шарфом, темные очки. Там качество записи не очень...

– Светлана Синегарова тоже высокая и стройная. Я велю Майклу для тебя её фотографии распечатать. Поехали к Синегарову вместе.

* * *

Но в особняке Синегарова на западе Лондона уже потрудились горничные.

– Беда в том, что мы сюда только что переехали из Бристоля. Только сутки здесь вместе прожили. А убирают его каждый день. Вот её отдельная спальня с гардеробной и душевой. Она тут спит, когда я храплю.

Я оглядываюсь в пышной гардеробной, а перед самой дверью в огромную ванную Ронни ставит на пол рабочий саквояж и надевает на ботинки бахилы. На его груди приколот яркий фонарик, несмотря на солнечный день. Он оглядывается с пинцетом в руке.

– Это её расческа?

– Да.

– Спасибо.

Ронни заклеивает в прозрачный конверт пару жёлтых волосин. Хозяин задумчиво наблюдает за ним, затем горестно вздыхает и оставляет нас. Ронни ждёт, пока тот отойдёт подальше и опускается на колени перед душевой кабиной.

– Так-то лучше, – бормочет он, и тянет из сливного отверстия другой длинный волос, – У-у! Хелло, а это что?

Оказывается его внимание привлек лежавший тут же крохотный белый осколок, формой, размером и даже блеском похожий на кунжутное зернышко.

– Всякую дрянь подбираешь? – любопытноствую я, – кусок пластмассы, обмылок или сломанный ноготь?

Он подхватывает осколок пинцетом.

– Это нечто гораздо лучше... – Ронни встает на ноги, и я поражаюсь тому, как изменилось его лицо, – Босс, я как-то запомнил один старый урок – придавать мелочам больше значения, чем крупным вещам. Особенно если их происхождение не очевидно, – заявляет он, сверкнув очками.

Да он вовсе не такой уж и противный тип, а вполне красивый молодой человек. Чего не скажешь про лахудру, за которого моя Кейли замуж собралась.

Запечатав непонятный предмет в пластиковый конверт, он так же выхватывает из стакана зубную щётку, разочарованно заглядывает в пустую мусорную корзинку и снимает отпечатки пальцев с особенно «обещающих» поверхностей. Всё это он везет в лабораторию вместе с полотенцем, халатом и парой других тряпок четы Синегаровых.

* * *

Ронни ведет свой фургон молча. Я вижу, что он думает о чем-то и полностью игнорирует мой вопрос. А ведь он в принципе отличный и серьезный парень. Особенно, когда у него вот такая прямая спина и плотно сжаты губы. Почему моей Кейли такие не попадаются? Мне бы этого альбиноса в зятя, я всю жизнь за неё был бы спокоен.

Ронни тормозит так резко, что я чуть не возвращаю только что съеденный на обед гусиный паштет. Он сворачивает на обочину и глушит мотор.

– Ты сдурел? – ору я на него, сразу решив, что поторопился с высокой оценкой.

– Босс, у нас сегодня есть кинолог свободный? Мне нужна собака, а лучше – две.

Я вдруг догадываюсь, о чём он думает.

– С Синегарова уже были сняты подозрения в Метрополе. Я понимаю, ты не любишь олигархов, но... Он сам к нам пришёл.

– Я не люблю способ, которым становятся олигархами, а не их самих.

– По-твоему, такие люди все бесчестные и потенциальные преступники?

– Конечно нет, но я всегда придерживался своего принципа, что мир чёрно-белый. У кого-то в нем пятьдесят оттенков, но я их просто не вижу. Для меня зло абсолютно, оно черно. А вот белое абсолютным быть не может. Оно подпачкано нашими ошибками в разной степени. Можно отмыть.

– А если нельзя?

– Тогда оно чёрное... – Ронни проводит пятерней по густым волосам, – Уж очень он старался, но при полной уверенности, что мы ничего не найдём. Или найдём то, что ему нужно. И вот ещё что, босс... Боюсь, мне ещё предстоит встретиться с ним на его условиях. Нужно подготовиться.

Я гляжу на его белоснежную шевелюру и почему-то вспоминаю сериал «Благие знамения».

– Ронни, обвинить Синегарова будет очень трудно. Тебе понадобится мешок доказательств его вины.

– Или его непричастности. Это тоже важно. Синегаров умен. Я всё пытаюсь представить, как он мог организовать убийство жены, но не утверждаю, что он лично был в том поле. Завтра будут готовы экспертные результаты. Я хочу исключить как можно больше факторов.

– Сейчас позвоню, – я достаю телефон, – кого тебе дать в помощь?

– Нет, без меня придётся. Возьмите шмотки Синегаровых, и пройдите от места взрыва по дороге в оба конца. Шанс невелик, но дождей ещё не было. Не улетел же убийца с того поля.

– А ты чем займёшься?

– Мне нужно кое-что проверить. Я уверен, что нашёл в душевой осколок фарфорового зуба. У нашей Джейн челюсть разбита в пыль. Если у этого осколка и у того крошева одни происхождение и состав, то доказать это будет несложно.

– Сначала расскажи мне, как он это сделал?

– Я... Я не знаю. Меня смущает, что до сих пор никто не потерял нашу *Джейн Доу*. Допустим, что она и есть Светлана. Но я уверен, что она не была похищена. Она ехала в той машине добровольно. Иначе она бы подняла тревогу на бензоколонке и не покупала бы спокойно йогурты. Фарфоро-

вые улыбки простым людям, которые ездят на старых «Ниссанах», не по карману. Если окажется, что она побывала в том доме, то у вас будет много вопросов к олигарху. Ведь он переехал в туда всего около недели назад. Он может себе позволить оплатить дорогие зубы, но именно эту улику убийца тщательно пытался уничтожить, когда разбивал лицо несчастной.

Хорош... У меня нет слов. Умница. Молодец. Синегаров хитёр, но моего альбиноса не проведёшь.

* * *

В пять утра одетый для утренней пробежки молодой беловолосый человек стоит возле новенького «Лексуса», на открытую дверцу которого небрежно опирается мужчина в модных чёрных очках. Нам их неслышно с этого расстояния, но они наверняка разговаривают по-русски. Этот разговор будет переведён на английский спустя два часа, и мы услышим следующее:

– Спасибо, но подвозить меня не нужно. Я здесь побегать, а не покататься.

– Как хочешь, но поговорить нам необходимо.

– Приходите в отдел. Я же всё подготовил к полудню.

– Слишком долго ждать, а говорить я хочу именно с тобой, а не с англичанами.

– И поэтому вы меня выследили?

– Да, мне это стоило почти два куска. Видишь, Мирон, как ты мне важен?

– Для вас это не деньги.

– Ты прав. У меня много денег. Я готов заплатить столько, что тебе больше никогда не придётся им прислуживать.

– Что вы от меня хотите?

– Скажи мне, что тебе удалось узнать.

– Всё будет в отчёте и...

– Пацан, ты не выпендривайся передо мной. Я к тебе, как к своему.

– Анализ ДНК, взятый с волос вашей жены и с тела погибшей показали, что они принадлежат двум разным женщинам. Наша *Джейн Доу* не Светлана.

– Я ужасно рад... Если бы ты знал...

– Если только у вас не было двух жён.

– Что? Ну и шуточки у тебя, альбинос.

– Я не шучу.

Здесь между ними зависает пауза. Очень нехорошая, но прерывает её именно Ронни:

– Сколько стоят фарфоровые зубы для красивой молодой женщины, чтобы она только этим и выделялась из толпы одинаковых красоток?

Очередная пауза. Нам видно, как Синегаров отпускает дверцу и делает несколько медленных шагов в сторону, запрокидывая голову на сцепленные пальцы поднятых рук. Затем он оборачивается в сторону Ронни, а я шепчу Берчу,

притихшему рядом со мной за оградой:

– Если даже Янг не просигналит, всё равно будь готов.

– Понял, босс.

У меня ужасно чешется нос от пыльцы. Только бы не чихнуть. А олигарх усмехается и разводит руками.

– За каждый зуб для Светланы я заплатил по четыреста долларов. А ее дублерше – обошлись винирами подешевле.

Ронни кивает.

– Это объясняет, почему фарфора было немного.

– Как ты это расплёл?

– Скажите, как звали ту женщину?

– Неважно. Пусть будет и впредь Джейн Доу. Она была немного похожа на Светку, остальное мы подправляли в Германии, в Швейцарии и даже в Нью-Йорке. Эта дурёха делала всё, что прикажешь. Даже попёрлась в ваше графство на «Ниссане» в гольф играть на ночь глядя. Тундра!

– Вы подложили мне зубную щётку и расчёску Светланы, а в душе волосы были не её. Кроме них и кусочка фарфора ваша прислуга смыла все следы потерпевшей. Вы даже заменили её одежду. А как вам удалось побывать и в Москве и в Хартфордшире одновременно?

– С чего ты взял, что я тут у вас был?

– Собака по вашему запаху нашла молоток. Вы сами разрешили нам взять вашу майку из дома.

– Тут, я прокололся... признаю. Но как доверить такое удовольствие кому-то другому? Люблю важные дела делать

сам. Мирон, запомни, деньги всё могут. Если я захочу, у меня будет алиби в любом городе мира.

– А где же настоящая Светлана?

– А эту мерзавку ты даже с твоим талантом не найдёшь. Её уже год как нет.

– Я проверил старые новости. Между вами случился публичный скандал. Она «передумала» разводиться именно когда вы оба исчезли на Карибах со вторым медовым месяцем. После него в семье был мир да лад. Вы убили её, чтобы не терять деньги при разводе?

– А ты и впрямь не глуп. Ну ничего, Мирон. В этом лещике тебя тоже не скоро найдут. Зуб даю...

Янг уже стоит в той позе, по которой мы знаем – пора действовать. Он выигрывает пару секунд, удивив Синегарова почти акробатическим прыжком назад, в лавровые кусты. Синегаров выхватывает из-за пазухи пистолет с глушителем, я чихаю, но поднимает стаю каких-то птиц громкий выстрел. Это Берч стреляет в воздух. Я кричу в громкоговоритель про полицию и про «не двигаться». Но Синегаров лезет в машину и уезжает.

Ничего. Его уже ждут у всех ворот загородного парка.

* * *

Суббота. Я чуть не засыпаю в кресле... трудная неделя, но какой успех! Приятно. А личность несчастной убитой мы

еще установим. Я подсказываю и смотрю на часы.

– Лора, дорогая, уже без пяти минут семь. Кейли никогда не опаздывает.

Слышу, как моя жена открывает и закрывает духовку, звенит вилками.

– А она сегодня «гот» или кто? – спрашивает она из кухни.

– Да вроде нормальная за ним поехала. В синем платье и без чёрной краски.

Дверной звонок длинно поет, и Лора идет со мной открывать, вытирая руки о кухонное полотенце.

– Ну давай посмотрим, что за счастливчик уводит от нас дочь.

На пороге стоит Кейли. Улыбка до ушей, в глазах волнение.

– Вот... без грима, как и обещала.

А рядом стоит и хлопает белобрысыми ресницами Ронни Лиам Янг собственной персоной. Без очков, но с теми же фиолетовыми линзами. «Ещё не известно, кто из них счастливчик», – думаю я и протягиваю ему руку.

– Лора, у нас есть шампанское?